

НИКОЛАЕВА А.В.

ТОП 30
LiveJournal

Я-МУАРЫ
ОТКРОВЕННЫЕ ИСТОРИИ
БЛОГЕРА

ИНТЕРНЕТ-ДНЕВНИК

Анастасия Николаева

**Я-муары. Откровенные
истории блогера**

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Николаева А.

Я-муары. Откровенные истории блогера / А. Николаева —
«АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-099379-6

Во всякой уважающей себя книге должно быть предисловие. Но ведь это не совсем настоящая книга! Здесь нет выдуманных героев и сочиненных ситуаций, удачных рецептов, и даже отсутствуют рекомендации, как выйти замуж за олигарха! Почему стоит прочитать эту книгу? Прежде всего потому, что она и о вас. О нашей общей жизни, в которой много чего есть, но больше всего, конечно, любви. Так что это записки о любви, реальные записки, а не выдуманные. Эту самую жизнь я стала записывать на страницах Живого Журнала. Для себя и моих близких. И очень удивилась, увидев в статистике, что за год мои записки прочитало около миллиона человек. А начнем мы с истории знакомства с моим удивительным мужем, который в тот момент еще совсем не муж, а даже вовсе наоборот...

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-099379-6

© Николаева А., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Из раннего мужа	5
Из раннего мужа	6
Амазон на авто	10
Часть третья. И чего? У мово мужа частей вообще много!	14
Часть четвертая, что доказывает: мой муж – пазл	17
Кульминация. Почти	21
Прелюдия. Просто слово красивое	25
Архиважные уточнения к вышесказанному	28
Об этом	31
О пользе шутки юмора. Свадьба	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николаева Анастасия

Я-муары. Откровенные истории блогера

Из раннего мужа

Тут недавно позвонило мне одно слишком доброе и невероятно снисходительное издательство и предложило напечатать некоторые записи из моего дневника. И что, вы думаете, они выбрали? Рассказы о моей многотрудной жизни? Описание нелегкой судьбы свиньи Бертрана Орландовича? Будни хорька Епы, в конце концов?! А вот нет и нет! Они хотят тексты об Александре!!!

Это мой муж, если кто не в курсе. Какая ирония судьбы! Пишу-то я, а им подавай Александра! Всегда он на моем горбу выезжает! Но я не гордая, муж так муж. Редко кто честно и нелицеприятно пишет о своих мужьях, а ведь правдивое описание супружеских отношений – это очень и очень полезное чтение для подрастающего поколения!

Вот теперь вычитываю старые странички о сложных наших с ним отношениях. Отредактированное буду выкладывать здесь частями. Может, кто не читал, а может, забыл. Тег поставлю *«из раннего мужа»*.

И ничего-то я не собиралась вспоминать и записывать. Какие ещё мемуары в мои зеленые 45 лет, когда вся жизнь ещё впереди?!

Но мой единственный муж Александр громогласно объявил: «Все! Я завёл тебе аккаунт в Живом Журнале, работай!»

Я сначала вздрогнула от неожиданности, но потом немного успокоилась. Ведь до этого Александр уже завёл мне целых двух сынов, и то ничего, справилась. А уж с блоггом-то точно совладаю.

Но о чем писать-то? Чем я таким замечательна? А вот мужем и замечательна, прослаблю его в веках! И при этой мысли мстительная улыбка осветила мое лицо. Единственное, что меня оправдывает, это то, что все в моем повествовании правда и ничего, кроме правды. Хотите реальную, а не литературную историю про жизнь-любовь-страдания? Тогда садитесь и слушайте.

Из раннего мужа

Итак, из раннего мужа. Ой, ну нет, ну правда, ой-ой.

Старалась я удержаться изо всех сил. И рот зажимала, и глаза выпучивала, головой трясла, чтобы даже мысль об этом через уши вытрясти. Не смогла, не получилось. Так что, если что, – не виноватая я!

Итак, про любовь, то есть про мужа. Знаете ли, после 25 лет совместной жизни эти понятия становятся либо синонимами, либо антонимами. У меня синонимы! Ура! Тьфу-тьфу! Это я не на вас, не отодвигайтесь от экранов телевизоров!

Итак, как все начиналось? Ну, все это – муж там, любовь-морковь, дети даже.

Восемнадцать лет мне было...

Ой, чегой-то даже самой уже не верится. Хотя... Если хорошенько подумать, то та, восемнадцатилетняя, и есть я истинная! Я просто очень невнимательная и рассеянная (привет, мамуля), поэтому и забыла себя цветущую-худющую где-то там в прошлом.

Теперь приходится довольствоваться какой-то возрастной теткой. Ладно, ничего, я уже почти привыкла, хотя до сих пор иногда, подходя к зеркалу, строго спрашиваю: «Вы к кому, женщина?!»

Ой, я опять про себя, а хотела про мужа.

Вот так всю жизнь – все ему, ему, единственному. Приготовлю ему – съем, уберу ему – напачкаю, сошью ему – порву.

Хе-хе! Как начнешь врать – так не остановиться.

Да не шила я ему в жизни никогда ничего. Единственное, что я сшила за все время своего существования, – это трусы-мутанты на уроке труда в средней школе. Их даже учительница, привыкшая ко всему, сильно испугалась и даже хотела отправить меня к мальчикам делать табуретки.

Но пожалела – не отправила. И я теперь ни трусы шить не умею, ни табуретки делать. А-а! Бедная я, бедная, кто же меня такую замуж возьмет?!

А вот взяли, взяли!!!

Он, муж-то мой горемычный, и взял! У него, правда, зрение не очень, минус большой, мерзнет значит.

Наверно, ему просто теплого чего-то захотелось. А я – теплая. Что да, то да. По крайней мере до тех пор, пока муж текст этот не прочтет.

У меня, горемышной, вообще почему-то все женихи в очках были, кроме одного военного таллинского и одного журналиста, тоже иногороднего.

Правда, закрадывается у меня теперь подозрение: может, они очки на родине прятали?

Папа мой очень жалел их, женихов, очень. И очками их недальновидность оправдывал. Пытался всю правду в трубку им телефонную прокричать, когда я ворковала с любезненькими дружками: «Видел бы ты ее сейчас, дурень, – кричал правдолюб-папенька, – у нее на носу прыщ, а в голове – дрищ!» Мама моя его била за это немножко, она же не хотела всю жизнь со мной прожить в одной квартире.

Так вот, мне восемнадцать, а ему... Ха! Слушайте, а ведь он уже тогда старый был, ему 23 стукнуло!

Как был старым, так старым на всю жизнь и остался, где же мои глазоньки были?!

Между прочим, это абсолютная правда. Всем, кому нет двадцати, особи на третьем десятке кажутся почти ископаемыми. Я вот в 17 в университет поступила, и наступила у меня дружба с девочкой одной, а ей 21!

И эта девушка стала со мной амурными своими переживаниями щедро делиться: «Замуж мне, – говорит, – наверное, идти надо позднее. Я ведь молода исчо!» А я думаю: «Ха, молода! Вот что он, старческий маразм, с людьми-то делает!»

Так вот, не пожалела я своей молодости, стала общаться я с этим своим *будущим* (интонация при прочтении в этом месте должна быть точно такая, с которой девочки слово «бывший» на форумах о разделе совместно нажитого имущества употребляют). Потому что намучилась я с ним, девчонки, до кровавых ментальных мозолей.

Во-первых, он был невидим и неосязаем, гнусно фантомен и при этом навязчив (че-то получается похоже на сопроводилровку к фильму о паранормальных явлениях).

А он и был этим явлением (хе, ещё хуже стало, когда он окончательно материализовался). Дело в том, что мы с ним долгое время, примерно полгода (удавитесь, любители быстрых и необременительных отношений), только по телефону разговаривали. И я (о время! о нравы!) ему первая позвонила (в рифму: своей рукою вырыла могилу! сама ему, дурная, позвонила!).

А дело было так. Второй курс, студенческая картошка! Кто был – поймет, кто не был – объяснять бесполезно.

На картошке, в духе лучших сталинских кинолент, в меня влюбляется бригадир бригады. На его счастье, картошку я собираю плохо (для этого он мне даже выдал ведро без ручки, чтобы случайно не собрала хорошо), и у него есть повод проводить со мной долгие воспитательные беседы, для этого отпуская в леса на свободу всю бригаду.

А еще я регулярно не успеваю на автобус, который развозит нас по картофельным полям, и он задерживает автобус и всю бригаду, ожидая меня. А еще... короче, никто уже не работает, в бригадире кипит страсть, вся бригада сидит ошпаренная.

Пришлось мне срочно сбежать в Москву, дабы не срывать окончательно сбор картофеля на Бородинских полях. Уважительная причина для дезертирства – свадьба близкой подруги.

Чувствуя, что жертва ускользает, бригадир дал мне телефон своего лучшего друга. Официальный повод – сигарет пусть привезет, неофициальный – пушай присмотрит за девушкой.

Вот он и присмотрел! По телефону. С осени до весны названивал мне этот дружок без перерыва, уж не знаю, зачем и почему. Может глаза мои ему понравились по телефону или походка приглянулась?

Но я вот лично не могла общаться так долго с человеком, которого никогда не видела (утопитесь, любители виртуальных романов).

Это я на картошке

И вот как-то часа в два ночи, после непродолжительной трехчасовой беседы, высказала этому человеку-невидимке мои претензии. Он, горестно покряхтев, понял, что время безопасных отношений по телефону прошло, и нехотя изъявил готовность явиться предомной аки Сивка-Бурка. Спросил только обреченно: «Когда?»

Впервые почувствовав свою власть над ним, грозно приказала я: «Сейчас же!»

Мама дорогая, и он согласился! Что же делать? Ночь, у меня папа мирно спит дома, а на улице меня после одиннадцати – ни-ни: строгого воспитания домашняя девочка!

Одно хорошо – в ночи меня плохо видно. Значит, буду красавицей. Положила я на грудь безмятежно похрапывающему папахену записочку, что гулять ушла, квартирку заперла и – шмыг – на лавочку у подъезда. А там ОН!!

Ура!!!

Блин, не видно же ничего! Только очки поблескивают, отражая свет дальнего фонаря. Увидела я эти очки, и весь задор мой куда-то улетучился.

«Э-э, – думаю, – очкарик, значит, – никуда от меня не денется, пополнит коллекцию влюбленных в меня очкариков. Как скучно жить, господа!»

Прощалась я с очкариком ночным вежливо, домой пришла, записочку с мирно спящего папули аккуратно сняла. И ничто, ничто мне не подсказало, во что я вляпалась!

А он – то благовоспитанный очкарик, раз уже был со мной тет-а-тет в ночи, пытается благородно выправить ситуацию, зовет меня, зазноба моя, в консерваторию.

А у меня на носу и в голове зачет по литературе зверски-ужасный:

– Увольте, – говорю, – не могу я! А он всхлипывать натуральным образом начинает: что, мол, я теперь без консерватории жить должен? И зачем меня мама родная на такие муки родила?!

Я, надо сказать, опешила несколько. Всегда уважаю в людях то, чего сама, убогая, лишена. Например, любви большой к консерватории. Вот, думаю, очкарики никудышные! И загнуться ведь, наверное, без музыки могут. Глазков-то нет, ушами одними мир постигают, бедолаги. – Ладно, – говорю, – поехали.

Ну, консерватория как консерватория. Громко очень.

Сижу. Вдруг чувствую: носитель очков как-то приваливаться ко мне начал. «Наверное расчувствовался», – думаю, глянула – мама! – да он спит натуральным образом!!!

Я такое до этого только в каком-то кино видела. Там отрицательный герой в консерватории уснул, и героиня сразу тогда поняла, что он – убийца и злодей. Я не глупее героини, тоже это сразу поняла. Все, думаю, прощай, май лав, прощай. Есть у меня очкарики и пободрее тебя.

Музыка кончилась, злодей встрепенулся и говорит: «Хорошо-то как! Не заметил, как время пролетело!»

Понравилось ему, ироду, на мое плечо слюнки сонные пускать.

Довез он меня до дома, расшаркивается. А я молчу изо всех сил, так как ежели я рот открою, то и убить нечаянно могу. У меня ж зачет в голове в незачет превращается! И все это ради того, чтобы этот меломан на мне выпался. Молчу. Соплю. А он мне: «Грустная ты какая-то. Я думаю, у тебя живот болит. Ты ничего жирного или пучащего не ела?»

А-а-а!!!! Пучащего!!!! На первом, можно сказать, свидании!!!! Это точно все.

Нет, не все оказалось.

Фу, как долго про любовь писать. Ну и ладно. Любовь, знаете ли, короткой не бывает, а если и бывает, то это не любовь (убейтесь аб стену, казановы!!).

Амазон на авто

Ну, дорогие слушатели, продолжим про мужа. Про мужей коротко не бывает. Жены целую жизнь им кости моют, никак не добьются желаемого результата.

Так вот, опечаленная после консерватории, думаю: фигушки, пусть отрицательные герои жизнь своим героиням в фильмах портят. А я обойдусь. Человек, заснувший в консерватории, наверняка является носителем многих других скрытых пороков.

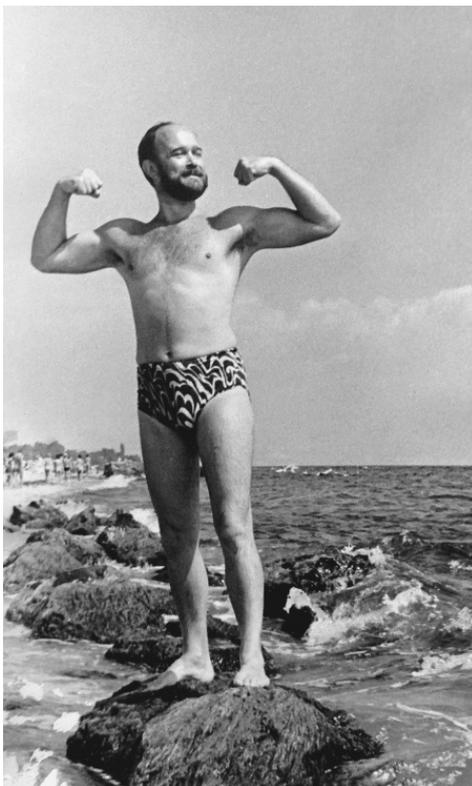
И какой-то он малахольный: спит в общественно значимых местах. Такой и в ЗАГСе задрыхнет. А я хочу, чтобы все было красиво и романтично.

Вот, как, например, у моих мамы с папой.

Папуля старше мамы на 19 лет, ВСЕГО на год младше ее собственного отца, моего деда Фёдора.

Но папа такой заводной и бодрый всю жизнь был!

Когда моя мама решила представить его своим родителям и привезла в цековский пансионат «Клязьма», в котором они тогда отдыхали, папуля мой прям из кожи вон лез, чтобы понравиться будущим родственникам.

Папуля в те далёкие дни:)

И бутылочку коньячка, что привёз им в подарок, для тонуса оприходоввал (бабушка-то и дедушка в рот спиртного не брали, но им, по мнению папули, конечно, приятно было хоть посмотреть, как это другие гарные парни делают), и анекдоты всякие про советскую власть говорил (дедушка-то был убежденный коммунист, ему, по мнению папы, наверняка интересно было послушать правду о родной партии), а под конец визита, на пляже, в трусах, стал вокруг моей несчастной бабушки на руках ходить (дедушка же бабушкин на целый год его старше, ей же хотелось, по мнению папы, молодым мужиком полюбоваться).

Мамуля в те далёкие дни

После всего этого кошмара бабушка моя, мама Аня, юристконсульт и дама очень строгих манер, негромко, но твердо заявила своей дочке-невесте: «Чтобы больше я здесь эту старую обезьяну никогда не видела!»

Вот это страсти, вот это я понимаю! А тут что? Сон разума какой-то.

Однако звонит мой спящий царевич и зовет меня в театр. «Не выспался что ли в консерватории? – мрачно думаю я. – Теперь в театре для разнообразия всхрапнуть собрался?!»

Однако, что характерно, не отказываюсь. Отрицательные герои для юных девиц почему-то гораздо привлекательнее, чем положительные. Кстати, не только для девиц.

У одной моей знакомой сынуля – отличник, очкарик, спортсмен разрядник (по шахматам, конечно) влюбился. Да как! Ну, чисто крышу пацану снесло. А избранница его – королевишна. Дымит, как паровоз, пьет, как сапожник. Правда, про внешность ничего плохого сказать не могу. Да и никто не может. Ни плохого, ни хорошего. Чтобы внешность обнаружить, надо было бы раскопки проводить, слишком много косметики она на себе носила, зато одежды совсем немного. Мама пацанская со слезой в голосе его вопрошает: «Сыночка, ну что ты в ней нашел?» А он, задохлик непуганый, книжный ребенок, и отвечает: «Мама! Она же настоящая амазонка!»

Так что книжные дети всегда в опасности. Жизни реальной они не знают, все постигают через литературные образы. Так и я, доверчивая, книжная и нежная, попалась в лапы своему амазону. Тут придётся сделать паузу, мне надо высморкаться – уж очень себя стало жалко!

Бабуля в те далёкие годы

Ладно, решаюсь, интересно в конце концов, что он в театре придумает? Может, обувью в артистов бросаться начнет или по стульям в партере прыгать? Они, амазоны, непредсказуемы. Согласилась, короче, я.

А он и говорит: «Вот и хорошо. Я за тобой на машине заеду!»

Опаньки!!!! А я его амазоном! На машине! своей! 86 год, на минуточку! Эх, думаю, ошиблась. Человек-то достойный оказался!

Надо соответствовать. Свистать всех на верх! Полная боевая готовность! Дашь шелковую черную юбку с цветком.

Эта моя (ну, ладно, ладно, изначально мамина, но она ее мне почти добровольно отдала!) юбка была в кругах моих подружек (Ленка, Натулик – чмок-чмок) очень важным индикатором серьезности ситуации. Когда мы куда-нибудь все вместе собирались, например на практику в Таллин, они всегда спрашивали, беру ли я эту юбку. И если ответ был утвер-

дительно, их чемоданы тоже комплектовались в соответствии с положением о готовности номер раз.

Так вот, представьте себе: шелковая юбка с цветком! белая ажурная шерстяная кофточка! лаковые лодочки! французские духи! Вот такая я в то время была девочка-девочка (не то что сейчас – усатая бабка с клавой наперевес – кхе-кхе).

Стою у подъезда, жду своего героя. Рядом бывшие одноклассники на лавочке сидят, тоже ожидают дальнейшего развития событий. Много ли событий на Кунцевском районе?!

Вдруг из-за угла дома в столбе черного дыма и страшного грохота несется ко мне нечто. Вот такое, только хуже

Это был старенький горбатый запорожец с моим кавалером внутри. Я, девочка из хорошей семьи, не то что на таких раньше не ездила, я таких даже никогда и не видела!

А мне предстояло залезть в утробу этого облезлого чудища, продолжающего извергать клубы дым и даже, как мне со страху показалось, пламя.

Позже этот горе-автомобилист торжественно сообщил всей моей семье, что у него было что-то не так с выхлопной трубой. Так прямо и сказал, подсовывая под наши с сестрой презгливо наморщенные носы перевязанную грязным бинтиком руку: «Обжег об СВОЮ выхлопную трубу, она у меня что-то плохо работает». На что моя сестра, в те свои юные годы язва еще та, скептически заметила: «Лечить тебе надо, Саша, твою трубу, а то к старости еще и не то будет!»

Да, но сколько ни рассуждай, – надо лезть, шофер уже от нетерпения сучит ножками, подпрыгивая на драном дермантиновом сидении. О, моя юбка! О, моя юность! Ну нет. Женщин нашей семьи так просто не сломать, моя баба Лиза в чапаевском отряде медсестрой была.

И я села, вернее вползла. И мы, оглушая окрестности ревом межпланетных ракет, выдвинулись навстречу новым диким приключениям.

Часть третья. И чего? У мово мужа частей вообще много!

Прямо сериал какой-то получается, «Санта Барбара» или там «Богатые тоже рыдают», хотя у нас это больше было похоже на киноэпопею «Нищим вовсе не до смеха».

Поскольку тряслись мы в этом ящичке для посылок, называемом «Запорожец», прижав колени к ушам и мечтательно глядя вперед.

Ну что будешь делать! Опять в угоду стилистической привлекательности текста завираюсь. Не было там мечтательности, да и где, собственно говоря, вы видели мечтательное содержимое посылки? Александр, решительно выдвинув фиолетовый, подсвеченный свежей щетиной подбородок вперед, неотрывно глядел на дорогу, похоже продвигая этот пепелац вперед исключительно усилием воли. Я же, пользуясь моментом, изящно скосив глаза, стала изучать своего ямщика. Правда, муж утверждает, что я вообще в молодости была косая. Но это он зря. Просто в юности столько всего интересного вокруг, что глаза разъезжаются. Это сейчас, офигев от разнообразия бытия, я тупо смотрю вперед, чтобы, не дай боже, еще какое-нибудь безобразное разнообразие не пробралось в мою жизнь.

Рассматривая данную особь мужского полу, я даже несколько прищурилась (ой, только сейчас сообразила, что он-то видел! Косая узкоглазая красотка с задранными к длинному носу длинными ногами пытается из этой позиции тарашить на него любопытные глазки!

Прищурилась я не из кокетства. Мне никогда бы в голову не пришло прищуриваться, чтобы понравиться, потому что в позиции прищуривания мои невеликие глазки исчезали вовсе и перед обалделым кавалером возникала симпатичная мордочка редкого вида землеройки слепой, прославившейся отсутствием глаз как таковых. Зажмуриться пришлось, так как был слишком лучезарен объект изучения.

Ярко-фиолетовое лицо (у этого bruneta щетина приятного цвета фиолет появлялась через час после бритья) приятно контрастировало с блистательными оранжевыми ботинками. Клетчатая рубашонка, такой же бренд конца 80-ых, как и колбаса за 2.20, радовала глаз. Серенькие брючата, слегка задравшись, демонстрировали всем желающим и нежелающим собранные в гармошку синенькие носочки и худенькие бледные ноги, поросшие густыми черными кудрявыми волосами. Цепкие обезьяньи ручонки крепко сжимали пластмассовый руль, а большие лохматые ушки, казалось, колыхались на ветру.

Столько впечатлений за раз я переварить не могла и обессиленно откинулась на спинку сидения. Обессиленная не менее моего спинка с видимым облегчением упала вниз. Мои прекрасные ноги с еще с большим облегчением отлипли от ушей и рванулись вверх. Теперь на ветру колыхались не только волосатые уши, но и две худые длинные ноги. Водитель, с осуждением глянув на меня, спросил только: «А тебе родители так ездить в машине разрешают?» То есть сразу переложил вину своего креслица на меня. Типо это не оно сломалось, а я сама в томной неге закинула ноги на приборную панель!

Еще бы! Машину-то свою дорогую он давно знает, а меня первый раз видит! Не отвечая хаму, я изящно расположила колени опять параллельно ушам, оправила юбку и приготовилась к худшему.

Говорят, театр начинается с вешалки. Для моего мужа любое помещение начинается с туалета. Теперь, с высоты своего жизненного опыта, я думаю, что таким образом проявлялась обычная самцовая привычка метить территорию. Но тогда я испуганно недоумевала, глядя, как пятый раз проносится передо мной с искаженным гримасой фиолетовым лицом этот меломан-театрал.

«Где тут туалет?! – шипел он в бессильной ярости, нарезая вокруг меня круги. Мне же оставалось только глупо улыбаться и сочувственно пожимать плечами. Это сейчас с высоты моего жизненного опыта я сразу прекращаю этот цирк раскатистым окриком: «Дома поссать не мог?»»

И не надо мне тут лицемерно воротить нос. Это выстраданное правило на все случаи жизни. Я бы даже могла оформить его в поговорку: «Если дома не посрешь, далеко ты не уйдешь!» Я вообще специалист по выдумыванию народных мудростей. Помню, мой старшенький, ученик первого «А» класса, подкатил ко мне в очередной раз с домашним заданием. А я занята чем-то была, и вообще у меня его палочки и нолики уже полпечени разрушили, лучше бы я пила, чесслово. Так вот это ангельского вида дитя и вопрошает писклявым голоском: «Мамочка, а что такое народные приметы-поговорки, в которых упоминаются животные?» А я, не долго думая, и говорю: «Ну, это, сынок, например так: «Если гуси летят низко – у них видны пиписки!»»

Угадайте теперь, чей пример в первом «А» оказался самым популярным? Прости меня, сынок, за свое счастливое детство!

Ну вот, наконец нашел он свой приют уединенного мечтателя и расслабился.

Прошли в зал, успели даже до конца спектакля. Театр, кстати, оказался даже и не театр вовсе.

Вечно, Александр, вы мне какие-то суррогаты навязываете!

Это был клуб, куда хитростью и материальными посулами заманили несколько стареньких артистов, которые, видимо, от организаторов этого действия просто убежать не успели. И вот тихо шелестят они о своем на сцене, а в зале заводская крепкая молодежь (это был заводской клуб) елозит, переговаривается, чем-то булькает из горла, ожидая обещанной опосля дискотеки. А мы сидим тихо. Я радуюсь, как та лягушонка из коробочки, что жива осталась после такого путешествия, а сокровище мое ненаглядное опять носом клюет. Очки у него на носу запотели в тепле, ножки худосочные во сне рефлекторно подергиваются, и такой он на фоне этой грубой активной молодежи милашка! Тихий такой, серьезный, молчаливый. А что, думаю я, есть нечто такое в спящих мужиках!

Вот, например, мой папуля. Придет с работы, поужинает и ляжет на диван газеты просматривать. Глядь – а через минуту уже газеты его просматривают, лежа на его лице. И звук такой уютный из-под газет доносится: хр-хрр-хрррр.

И сразу нам с сестрой так тепло становилось, и радость охватывала, что мы не безотцовщины!

Правда, в школе меня классная руководительница Нина Никодимовна отчитывала: «Николаева, почему твой папа опять спал на родительском собрании?» И грудью так строго на меня выдвигалась. А грудь у нее была, скажу вам! Она, когда вслух читала нам некрасовское: «Сидит, как на стуле, двухлетний ребенок у ней на груди...» – всегда на свою грудь показывала. А на ее-то груди, как на лавке в трамвае, три взрослых мужика усядутся!

Я, конечно, пугалась наездов учительницы и домой плакать бежала.

«Папа, – взываю жалобно, – ты почему опять на родительском собрании уснул и храпел, заглушая Крокодиловну?» А он мне с бесконечной любовью: «А че такова?! Я в класс вошел, а там доска почета лучших учеников, и ты, доча, среди них. Я и уснул от скромности, чтобы, когда тебя хвалить начнут, не слышать».

М-да. Любой психолог вам скажет, что каждая девушка ищет в избраннике отца. Вот и у меня эти два образа – спящей везде худосочной Сашки-букашки и могучего храпуна папахена наложились один на другой, и так хорошо стало! Не знала я еще тогда, что он и на заводе своём на полке для книг, подвешенной на стене, спит. Тогда бы призадумалась. А пока, в плену своих иллюзий, люблюсь я ботинками цвета оранж и мечтаю...

Вот он, краля моя, на защите Родины. Бедная Родина!

P.S. Мужу текст понравился

Часть четвертая, что доказывает: мой муж – пазл

Да, пазл, из разных кусочков состоит. И в зависимости от того, на какой из них мой взгляд падает, меняется и вся картина. То есть мой муж еще и калейдоскоп. Игрушечка он, короче, моя драгоценная (не надейтесь, эротоманы, пока еще речь о другом. Но будет и на вашей улице праздник!)

Тогда, в театре, если вы помните об этом, верные читатели, мой взгляд притянули оранжевые ботинки – вещь совершенно инопланетная на территории СССР.

На всем пространстве бывшего Союза мужчинам разрешалось носить одежду и обувь только серо-черных-темно-болотных цветов. Остальные оттенки означали крайнее свободо-мысле, граничившее с полным противопоставлением себя обществу.

«А он не так уж прост», – решила я. Все, что происходило дальше, я могу объяснить только одним: гипноз! я стала жертвой гипноза!

При чем тут ботиночки? – спросите вы. Очень просто. Помните, гипнотизер, чтобы ввести свою жертву в транс, машет у нее перед носом какой-то блестящей фигней. Роль этой фигни и сыграли ботиночки ослепительного Александра. Смотрела я на них, смотрела, и как-то начало мне все вокруг нравиться.

И чудесная винтажная карета, ожидающая нас у входа в этот храм искусства. И принц мой брюнетистый, полный тишины и мужского достоинства. Поэтому после спектакля безропотно влезла я в проржавевший Запор, сложила телом согласно инструкции, и мы без приключений вернулись к месту отправки.

Выпихнув галантно меня из машины (самостоятельно вылезти из накренившегося запорожца было трудновато) и прощально сверкнув очками, мой спутник исчез в темноте. Ни тебе прощального поцелуя в щечку, ни слов о будущих встречах. Неужели этот Плюшкин презрел меня за порчу его креслица драгоценного?

Печально и безутешно смотрела я в темноту, откуда еще долго доносились бравурные звуки его волшебной выхлопной трубы. И я, как крыса за волшебной дудочкой Нильса, была готова бежать в ночь за этими чарующими звуками, разрывающими тишину города.

Но, знаете ли, девичья честь – это вам не фунт изюма. Я уже научилась неплохо ее защищать, давая по лбу и другим слабым местам приставучим ухажерам. А тут сплошные непонятки. С одной стороны, он уже два раза спал рядом со мной. С другой – даже за руку не подержал. Мозг мой кипел (может, не мозг? – о, моя юность! о, моя неопытность!)

Пришлось возвращаться в родное гнездо на четырнадцатом этаже. Папа с мамой никогда не расспрашивали меня о моей личной жизни... Просто я все всегда рассказывала сама, вот, как вам, например. Вообще-то с мамой было трудно говорить на всякие темы, касающиеся личных отношений.

Вот, к примеру, рассказываю я ей об отношениях одной мой однокурсницы с молодым человеком: «Ну, – говорю, – любит он ее»...

– А, – тут же расставляет правильные акценты мамуля, – жениться, значит, собирается (интонация только утвердительная).

– Почему жениться? – в свою очередь удивляюсь я.

– А как же? Ты же сказала «любит», – в свою очередь удивляется мама.

И сидим мы такие удивленные и смотрим друг на друга. Мы с сестрой не приучены были вести разговоры о таких личных вещах с мамой. Один только такой разговор могу припомнить.

Четвертый класс. В приподнятом настроении кричу маме с порога: «А нам сегодня биологичка рассказывала, как дети получают!»

«Ну и как?»— без всякого интереса, явно только для того, чтобы меня не обидеть, вопрошает родительница. Захлебываясь от впечатлений, близко к тексту пересказываю. «Какая гадость!» — с чувством резюмирует моя мама.

М-да. После такой слушательской реакции стало понятно, что эта тема у нее не в почете. Зато в школе нас просвещали, старались. Соберет нас биологичка отдельно от мальчиков.

Ха! А с ними в это время трудовик беседовал. Наверное, о том, как буратин строгать!

Так вот, сидим мы, хихикаем в кулак, а она нам так торжественно: «Главное – это сберечь честь! Вот ужасный случай был как-то в школе. Девочка бегала-бегала по коридору и не сберегла!!! У нее были дни особенные, она неловко подпрыгнула – и все упало и все все увидели!!! Всей школе позор!!!!»

Мамочки, да после таких ужасиков нам ночью кошмары снились. А ведь злосчастной девочке можно было только посочувствовать. Ее вина лишь в том, что она родилась в то страшное время, когда не было прокладок (да-да, я сказала это ужасное слово. А что, в рекламе можно, а мне – нет?!). И не надо быть ханжами! Лично я очень благодарна людям, их придумавшим, а также рухнувшим границам державы, через которые они переползли и начали победное триумфальное шествие по нашим просторам. Долой бересту и ласточкины гнезда, сбросьте с себя оковы страха опозоренные девочки!!!

Неудивительно, что после таких содержательных бесед мои одноклассницы начали рожать в восьмом классе.

Тогда приехала специальная комиссия и провела специальные предупредительные акции, которые заключались в том, чтобы всех мальчиков отсадить от девочек и наоборот. Умные педагоги, наверное, думали, что старшеклассницы беременеют прямо на уроках. Мы с моим соседом по парте Епишиным пытались отстоять наше право разделять вдвоем первую парту в среднем ряду. Мы страшно сроднились еще с начальной школы и совсем не боялись забеременеть друг от друга. Но, увы.

В то давнее время школа тоже была еще тем источником мудрости и знаний.

Знания? Ну, знания мы умели добывать сами. Каждый из нас был сам себе и Яндексом и Гуглом. И мы всегда делились с другими полученной информацией. Так, мы с моей в то время лучшей подружкой Ирккой Фоминой, обнаружив у меня дома на антресолях неплохую коллекцию журнала «Плейбой», тут же притащили лучшие, на наш взгляд, номера в школу.

Тогда такого ни у кого не было, а мой папа постоянно ездил за границу и привозил всякое невиданное. Понятно, что после этого мы с Ирккой чувствовали себя опытными и зрелыми женщинами, и в нашем третьем «Г» нас все уважали.

Что-то я несколько удалилась от предмета моего повествования. Итак, родителям вполне хватало того, что их ребенок в 10 часов вечера был дома, и они не приставали с расспросами. И хорошо, так как и рассказывать-то было нечего.

На следующий день Александр пришел уже ко мне домой. Видимо, по его понятиям, человек, потративший столько сил на культурное образование дочери, может быть представлен родителям.

Войдя в квартиру, он решительно выдвинулся на кухню, где пряталась уже привыкшая прятаться от всех моих друзей мама. А после мама всегда с большим чувством вспоминала: «Какой Саша был воспитанный мальчик! Все Настины кавалеры – шмыг – и к ней в комнату. А он сразу ко мне подошел поздороваться».

Хотя лично я думаю, что он просто шел на запах еды. Он до сих пор, как домой приходит, сразу на кухню бежит. Хотя мамочки там давно нет.

Так вот, из кухни он не спеша притопал в мою комнату, сел на стул, удобнее устроился на нем и замер. Я что-то щебетала, что-то делала, он же, ровно и доброжелательно глядя на меня, молча восседал на стуле.

Посидев часа 2–3, Александр распрощался с нами. Все это стало повторяться каждый вечер: мама – стул – прощание – мама – стул – прощание – мама...

Не-е-т! Я поняла, что схожу с ума. Я перестала замечать его на стуле, тем более он так скромно у стеночки сидел, а не на середине комнаты.

Ко мне приходили подруги, друзья – он сидел и доброжелательно молчал. Мне даже никто из друзей о нем и вопросов-то не задавал, чего задавать-то? Видно же: беда в семье – больной родственник, хорошо что не буйный. Дошло до того, что я при нем своих поклонников принимать стала. Помню, сижу я на диванчике с Мишей Б. Он с гитарой, песни мне поет, ручку целует, усами щекоча. А в углу Сашкины очки поблескивают.

Ушел Миша, Сашка расшаркивается тоже и говорит: «В одном этот кретин прав: платье тебе это, правда, идет». И уходит, полный спокойного достоинства.

А где сцены ревности? Правда, мой папа, по маминым рассказам, тоже всегда стойко держал удар. Как-то гуляла моя юная мама с папой и еще одним поклонником, преподом университетским. Препод маме всяко на ушко шепчет, на лавочку усаживает, а бедный папуля где-то в стороне и не видно его уже даже. Сидят они, юная ветреница и ее соблазнитель на лавке, милуются. Вдруг у них за спиной что-то как рванет: бах-тара-рах!

– Что это было? – в ужасе спрашивает университетский ботан. Что сейчас разорвалось? – Ничего, – радостно отвечает папа, – это я подобрался к вам тихонько и пукнул!

Надо ли говорить, что скоро мама была лишена всякого выбора. Папа остался один. И все же это была честная борьба! А тут...

Ну, все, думаю, хватит тут моей честью девичьей играть. Надо его волочь на улицу. Может, на свежем воздухе взбодрится.

Повод тащить всегда у меня был: вечерние прогулки со спаниельшей Санькой никто не отменял.

И вот на следующий день, решительно развернув Александра из кухни, вытащила на стадион около школы – выгуливать собачку. Нарезаем мы круги по стадиону, нарезаем, уже сил нет. Несчастливая коротколапая псина уже на спине за нами едет, влекомая поводком. А результата нет. Все как всегда, только стула не хватает. И он явно, не скрывая от меня, по нему скучает!

А это мой папуля, который не терялся, даже будучи окружённым хищными женщинами

Остановилась я тогда, посмотрела на него осуждающе. Затрепыхался он, друг сердешный, задергался, а деваться-то некуда! Поздно пить боржоми, батенька! Назвался, знаешь

ли... Короче, пришлось ему меня поцеловать. Только я внутри себя ликующее проорала: «Ага!!! Попался!!!» Он и говорит: «Зря мы это с тобой сделали». И смотрит так грустно. Нет, все, больше не могу, сейчас расплачусь. Тогда я про себя его кретином обозвала, а теперь с высоты своего опыта думаю: а может, у него видение како было. Может, он все заранее третьим глазом увидел. И детей наших будущих орущих и кошек под столом на кухне гадящих и кроликов рычащих. Все видел и не убежал! Мой герой!!!

Кульминация. Почти

Мы близимся к кульминации. Какое непростое слово! Тем более что «кульминация» в нашем конкретном случае приведет к тому, что рубрика «из раннего мужа» сменится на тег «из раннего родительства».

Вот так всегда: стремишься к звездным вершинам, думаешь, что там, за горой, – цветущие сады... А там – газики, колики, Болики и Лёлики. Впрочем, не будем забегать вперёд.

Постепенно удалось его немного отучить от стула. Гуляли по-прежнему практически молча, ну, настолько, насколько это вообще применимо ко мне.

То есть я говорила, а он вздрагивал крупом, косил на меня смуглым глазом, как молодая необъезженная лошадка. «Ничего, – мстительно думала я, – не таких укрощали!»

Был уже у меня опыт общения со взрослыми мужчинами, скажу без ложной скромности. Причем, в 15 лет! Стал оказывать мне знаки внимания один взрослый 25-летний очкарик (наверное, меня злая фея при рождении, понимая, что веретено я все равно в руки не возьму, приговорила к очкарикам). Так вот этот пожилой очкарик охмурял меня долго, соблазняя большими порциями пломбира за 48 копеек. Я с удовольствием пломбир кушала и таскала ухажера все по тому же стадиону возле школы. А из-за угла школы горящими от возбуждения глазами за мной наблюдали девчонки нашего класса. Такого прекрасного старого поклонника не было ни у кого!

Наконец, он пригласил меня на дачу. Мама хорошо знала этого ботана и его родителей, поэтому, приставив ко мне в качестве дуэньи девятилетнюю сестру, с легким сердцем отпустила нас на природу. Я была, как всегда, небесно хороша. Распущенные длинные волосы, синие джинсы, ветровка и глупая ухмылка – все было при мне. Шофер торжественно распахнул перед нами с сеструхой дверцу черной «Волги» (и как я так деградировала за какие-нибудь 4 года. Из «Волги»-то в «Запорожец»!)

Все-таки пожилые женщины ценятся меньше. Говорила же я, что девятнадцать – это старость. Вот и доказательство.

Короче, мы с сестрой спокойно уселись в членовоз. «Волгой» нас было не удивить. У папули тоже была служебная «Волга» с шофером. И вообще наша мамуля очень боялась, что нам задурит какой-нибудь богач голову своим златом и серебром, и всячески доказывала, что не в деньгах счастье. Знала бы она, кого мы выберем в мужья, боялась бы другого.

Ну, про благосостояние моего избранника вы уже все поняли. Сестра оказалась еще круче. Свой объект обожания она безошибочно вычислила в районной больнице, где в семнадцать лет отходила от наркоза после операции аппендицита. И вот, в посленаркозном отходняке, она увидела Его. Когда на следующий день увешанная сумками и сумочками с разными заморскими яствами мама ворвалась в палату, Дашка ей гордо заявила: «Ничего не возьму. Тут бедный молодой человек лежит, которого никто не кормит. Значит, и я есть не стану». Стеная и заламывая руки, мамуля поперла сумки домой. До сих пор не могу понять, что мешало нашей впечатлительной девочке слопать все это вместе с голодным бедолагой?

Так вот, действительно, этот мальчик был из настолько бедной семьи, что даже школьную форму ему покупал город. Сеструха почему-то решила, что этого недостаточно для страдальца, и вышла за него замуж. Так что мамуля зря трепетала, представляя, как злобные богатые буржуины тащат ее крошек в золотую клетку. Из-за этой навязчивой фобии она даже просила папашку водить меня в самые шикарные по тем временам закрытые рестораны для иностранцев, куда у папы, известного журналиста-международника, был открытый вход. Дабы никто на свете не мог мне потом пустить золотую пыль в глаза.

Как сейчас помню: плотно накормив меня обедом и украсив своим свитером и юбкой, со слезами на глазах отправляет меня мама в этот рассадник разврата. Зато папа доволен: наконец-то ему предложили такое клевое педагогическое мероприятие по воспитанию дочи!

И вот мы в ресторане. Шик-блеск. Меню написано по-русски, и по-английски, и по-французски. Но ни в одном варианте невозможно понять ни слова, такие диковинные блюда предлагаются. Папахен заказывает коньячку. Официант, полусклонившись, подобострастно вопрошает: «А что будет пить дама?» Отец в растерянности озирается по сторонам: «Какая дама?!» Взгляд его упирается в расфуфыренную и гордую меня. «А-а, – говорит любящий папка, – это што ли дама? Ха! Нет, пить она не будет!»

После чего папа с чувством начинает трапезничать, а я сижу баран-бараном. Есть я не хочу (спасибо, мамочка, за вкусный обед!), а выпить мне не налили.

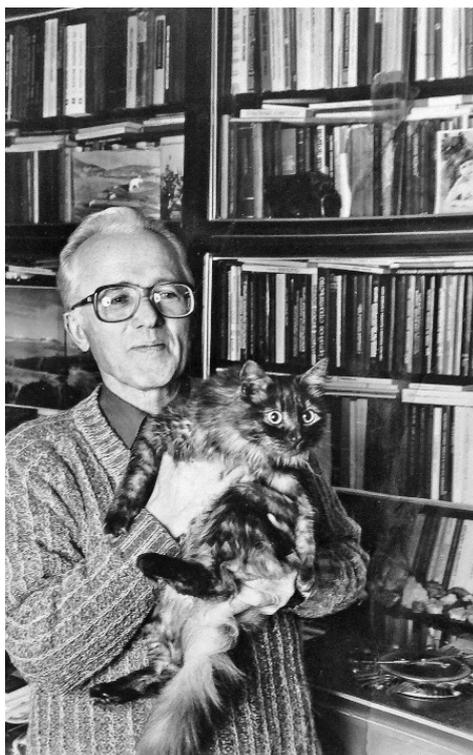
Я это все к тому, что к роскошной жизни в советском исполнении мы с сеструхой привыкли и плевать хотели и на «Волгу» и на дачный поселок ЦК, куда нас везли.

Теперь открою маленькую тайну: этот влюбленный старичок был еще и приемным сыном моего деда (у нас в семье так все запутано, что я не хотела грузить вас всем этим, но тогда не знала бы, как объяснить вам тот факт, что в поселке нас встречал мой важный и представительный дедуля).

Приняв нас в свои могутные объятия, дед Фёдор повел всех на лодочную станцию – покататься.

Любезный и улыбчивый лодочник придерживал плавсредство, ухажер, назовем его здесь Вован, поскольку, как говорится, еще живы все участники событий, залез в лодку, туда же козой скаканула сестра. Занесла свою ножку над днищем и я. Надо сказать, что всю жизнь меня отличало от других людей необыкновенное изящество в движениях и врожденная грациозность.

Не было того шкафа, в который я бы с размаху не врезалась, того камня на дороге, на который бы я не упала, как подрубленный пулей боец молодой из известной песни. Вот и сейчас, перенеся центр тяжести на закинутую ногу, я не удержалась и с «протяжным криком у-у, как подрубленная ветка повалилась на траву» (это цитата из любимого диафильма про Плюха и Шваха), а я, конечно, повалилась не на траву, увы, а в воду, перевернув в процессе полета лодку с сестрой и Вованом.

Дед Фёдор, профессор и сочинитель речей для больших партийцев

И вот картина маслом: Дашка радостно погружается в прибрежную тину, Вован с истошным воплем «Где мои очки?» плещается в мутной воде. Себя я, конечно, со стороны не видела, поэтому лучше процитирую письмо моей сестры, которое она мне скинула на мыло пару дней назад:

«А еще давай рассказывай историю, как твои длинные прекрасные ноги загорали на берегу, в то время как голова с ушами каталась на лодочке, а задница мирно покачивалась на волнах».

Как видно из этого письма, чувство юмора у нас наследственное. И читая такие послания, я ощущаю наше с сеструхой родство душ!

Примерно так, как в ее письме, все и было. Только еще и дедушка носился по берегу и вопил почему-то не «Спасите моих любимых внушек», а «Какой позор! Какой позор!»

Короче, все, кроме Дашки, не оправдали моих надежд. Мой рыцарь спасал свои очки, а не меня, прекрасную, дедушка готов был отдать многое, чтобы оказаться подальше от своих потерпевших крушение внушек. Одна сестренка, радостно хихикая, пыталась уговорить Вована бросить поиски, аргументируя это тем, что без очков ему будет рядом со мной гораздо комфортнее.

Унылая, с мокрыми длинными волосами, мокрыми синими джинсами и мокрой кривой ухмылкой выползла я сама кое-как на берег. Дедуля поменял регистр чувств. Из бездушного чиновника, который только и опасается, чтобы сановитые коллеги не увидели его внушек в образе двух водяных, он опять стал любящим дедулей и поволок нас сушиться. Надо сказать, что такие эмоциональные переходы мучили его до тех пор, пока это жуткое ЦК не сдохло, и тогда чары окончательно рассеялись, и он стал просто дедушкой.

Обсохнув, мы выдвинулись гулять по кукурузным полям. Надо сказать, что к тому времени я так устала от непривычной еще для меня роли роковой женщины, что подговорила свою сестру найти початочек кукурузы поувесистее и запустить его в головешку незадачливого героя-любовника. К чести моей сестры надо сказать – она долго отказывалась, но я, как всегда, убедила бедную малышку, что это будет страшно весело. М-да, страшно-то было,

весело вряд ли. Початок с густым чмокающим звуком ударился о белобрысую головушку, на носу которой красовались счастливо обретенные в пучине речной очки.

Я, не на шутку испугавшись, укоризненно изрекла: «Даша! Ты что делаешь?!» Офигев от такого вероломства, сестра с гневным воплем ринулась от нас в заросли кукурузы. Надо ли говорить, что нам пришлось долго ее искать и романтике в тот день не было места в наших душах.

Ну так вот, опыт куращения (читай книгу «Малыш и Карлсон», чтобы понять, что такое куращение) пожилых мужчин у меня был. Долгие осенние прогулки по колону в грязи пошли Александру (это мы так изящно опять вернулись к причине моих девичьих слез) на пользу. Он даже стал что-то такое интересное бормотать по телефону. При личных встречах – не осмеливался: вдруг какие-нибудь его нежности спровоцируют меня и я повалю его прямо в грязь школьного стадиона?

Позвонив как-то утром и узнав, что его звонок разбудил меня, он страстно признался, что хотел бы будить меня по утрам лично. Опешив, я замолчала. Как понимать сию сентенцию, то ли это предложение руки и сердца, то ли призыв к греховному сожителству вне брака? Подумав, что, скорее всего, речь шла о последнем, я, оскорбленная, поспешила закончить беседу, вышедшую за рамки приличий.

Прогуливались мы недалеко от дома. Кунцево тогда было не столько престижным, сколько заводским районом. И я всегда искренне беспокоилась за своих попутчиков, никогда не уводя их из-под яркого света фонарей. А все равно не уберегла сладенького моего!

Как-то днем звонит он мне и говорит, что сегодня не придет. Я в полных непонятках: за полгода ни дня не пропустил, а тут вдруг. А он так спокойно продолжает: «У меня, – говорит, – глаз ножиком порезан. Напали на меня нехорошие люди, когда я вчера вечером от тебя возвращался». Я даже не поверила сначала, а потом все во мне медсестринско-материнское встrepенулось. «Бедняга, – думаю я, – кому же ты теперь без глазика нужен?» И побежала я сама к нему, взяв в качестве средства первой помощи пакетик карамелек.

Прибегаю – дверь мне его радостная мама в валенках открывает. Удивилась я, городской ребенок, валенки до этого на взрослых людях только в сказочных экранизациях видевшая. Но все мысли прежде всего о нем, бедняге нашинкованном. «Как он, – со слезой в голосе спрашиваю будущую свекровь. «А че ему будет, – жизнерадостно отвечает она. – Он у нас живучий. Один раз пьяный в 17 лет в деревне на морозе уснул. И то жив остался. Правда, я думаю, поотморозил себе там нафиг все», – продолжает свекровь, делая характерный жест, не оставляющий никаких сомнений в том, что она собственно имеет в виду.

Обогащенная такой информацией, захожу я в комнату к страдальцу. Повязка на глазу есть, повязки на том месте, куда показала свекровь, – нет. И то ладно. Скорила я ему карамельки и домой понуро пошла. На следующий день у меня даже милиционер участковый дома был, выпрашивал, кто из моих ухажеров хотел комсомольца зрения лишить. А мне уж не до зрения, я все о других его увечьях думаю. Сразу понятно стало, почему он так тихо на стуле сидел, почему на улице от меня шарахался и целоваться не хотел. И я со всем комсомольским задором сама себе дала клятву вылечить инвалида. И я победила недуг: через месяц мы уже ждали ребенка!

Прелюдия. Просто слово красивое

«А где-то свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала, и крылья эту свадьбу вдаль несли, широкой этой свадьбе места мало...»

Да, ладно. Вполне хватило трехкомнатной родительской квартиры на Можайке (с/у раздельный, лоджия и балкон). Уместились все. Даже беременная жена Сашкиного друга Воробьева, которая быстро забрасывала в себя что-то из стоящего на столе и так же быстро убежала в туалет рычать на унитаза.

Токсикоз, знаете ли. Я к тому времени уже тоже знала, что это такое, и с завистью провожала взглядом несущуюся галопом в туалет жену Воробьева. Как сильно мне хотелось составить ей компанию, кто бы только знал!

Но, на мой пуританско-спартанский взгляд, блюющая на свадьбе невеста – это как-то не очень романтично. Хотя, если припомнить, токсикоз не самое тяжелое мое переживание в этот самый радостный для каждой девушки день. Это, конечно, слоган со свадебных сайтов сегодняшнего дня.

Боже, несчастные современные женихи и невесты. Во что они превратили свои свадьбы! Неужели они не понимают, что на фоне белоснежных лимузинов, заморских ресторанов и дизайнерских букетов – жених и невеста – самое слабое звено. Их даже и не разглядеть среди всего этого. А оффотошопенная свадебная сессия? Через год сама недавняя невеста, найдя эти фотографии, будет долго пытаться мужа, на ком это он женился до нее. То ли дело свадьбы конца 80-х. Жених, невеста, свидетели (необязательно), бутылка водки (обязательно) и, как правило, все.

Так, что-то опять в сторону. Ладно, так и быть, поскольку меня читают наши дети, а они умом и сообразительностью не в родителей пошли, начну с самого утра того дня, на котором жизнь написала несмывающимся маркером слово «Свадьба».

Итак, утро. Дашка (моя сестра, если кто успел забыть) возбужденно хихикает. Ей тринадцать. В этом возрасте свадьба кажется чем-то в крайней степени неприличным и поэтому захватывающим.

Папашке моему приходится каждую минуту напоминать о торжестве, потому что он то и дело стремится вывалить на обеденный стол свои бумажки и, наконец, спокойно погрузиться в своё писательство. Мамашка моя с тревогой поглядывает на входную дверь. С тех пор, как я сообщила ей, что скоро она станет бабулей, эта бедная жертва любовных романов пребывала в уверенности, что в самую последнюю минуту гнусный опытный мужик (да, именно в это brutальное чудище превратился в ее глазах воспитанный и неупитанный мальчик Саша) бросит ее девочку и приплод, уж если не в пучину вод, что было бы, по мнению мамы, хоть каким-то выходом из ситуации, то точно на руки ей, страдавшей с раннего детства младенцефобией в острой форме.

Она была бы счастлива, по-моему, если бы у нее открылся редкий дар рожать сразу тихих пенсионеров, в пижаме и с газетой. Она бы умилялась на них, протирала лысинки влажной тряпочкой и варила супчики. А ДЕТИ – это ужас-ужас! Все мое детство заполнено страшными мамочкиными историями о том, какими монстрами и упырями, выпившими ее кровь и мозг, были мы с сестрой до того, как нам исполнилось три года.

«Вот просыпаюсь я утром, а ты, Настя, вся в какашках. Кровать вся в какашках, стены все в какашках. И ты ешь их, эти какашки!!!»

Правда, очень похоже на популярные раньше, а может и теперь, детские страшилки: «Черная рука открыла дверь, черная рука вползла в комнату! Черная рука схватила тебя!!!»

М-да, сейчас я бы уже нашлась, что ответить. Мама, дорогая, в твоём рассказе ты проснулась УТРОМ, сама, а не в полночь от леденящего сердце вопля безумного младенца. И твой ребенок уже сам себя накормил и ничегошеньки от тебя не требовал. На что тебе жаловаться, а?!

Но в детстве мы с сестрой дрожая слушали эти страшилки о младенцах. Бедная мамуля не хотела нас пугать, она просто сама до одури боялась малявок. Очень неудобная, кстати, для матери семейства фобия, гораздо лучше бояться летать самолетами. Говорю со знанием дела, поскольку сама всегда ждала от своих младенцев всяческих пакостей. То мне казалось, что дитя, зашедшее в гневном вопле, сейчас не выдержит и лопнет, то приходило стойкое осознание того, что еще одна минута – и лопнут мои собственные барабанные перепонки. Лысые, с перекошенными злобными, красными от постоянных воплей гномьими рожами, они, эти ангелочки, по-моему, могут напугать и самого мужественного самурая, а не то что бедных неопытных мамашек.

Так вот, мало того, что она не сводила взгляда с входной двери, у нее еще хватало такта повторять:» Он не придёт, точно не придёт на свадьбу... Я так и знала».

Я вяло пыталась сквозь волны токсикоза ее разубедить. На самом деле в тот момент я тоже предпочла бы пучину вод свадьбе, так плохо мне было.

Папашка, уловив краем уха суть дискуссии, тут же включился: «Ха, вот мой друг Ливка три раза из-под венца сбегал. И если на две первые свадьбы он просто не являлся, то на последней из окна ЗАГСа выпрыгнул, со второго этажа между прочим. Сломал ногу, но так и не женился!»

Закончив сию жизнеутверждающую тираду, папуля победно оглядел притихшую аудиторию: зеленую меня, побледневшую еще больше мамашку и по-прежнему заливающуюся смехом счастливого идиота сестру. Но в этот нелегкий момент в дверь позвонили. Молнией метнулась в прихожую мать невесты, распахнула дверь и... отпрянула.

Перед ее глазами радостно маячило нечто, не знакомое ей и пугающее. Увидев, что происходит что-то необычное, мы ринулись по направлению к застывшей у порога родительнице. И увидели тоже.

Лысенький, дрожавший всей оголившейся пупырчатой шеей, синенький, как баклажан, чьей-то безжалостной рукой втиснутый в костюмчик для детей от 7 до 10 лет цвета лежалого птичьего помета...

Короче, мы узнали его только по оранжевым ботинкам. Это был он, амазон, то есть мой рыцарь. Раньше наиболее заметные дефекты его внешности скрывали прекрасные черные густые волосы. Теперь перед нами стояла голая правда. Хотя лично я предпочла бы красивую ложь.

Моя мамуля, которая еще и детективы любит, уверена, что все это было сделано для того, чтобы, во-первых, избежать свадьбы, а во-вторых, убить ее окончательно. Раз уж он растоптал ее молодость, сделав бабушкой, что ему помешает, собственно говоря, довести ее и до могилы. Тем более в маминой голове очень была сильна логическая связка «бабушка-могила» (до появления в нашем семействе Сашки связка, правда, была несколько иной: «дети-могила»). Зато теперь, когда она уже прабабушка, ей море по колено: не боится уже никого и ничего.

Узнав любимого по ботинкам, я, распахав родственников, в наивной надежде расколдовать чудовище бросилась ему на шею и поцеловала. Увы, сказки врут и в этом. По-прежнему передо мной стояли те же яйца, только в профиль, поскольку он отвернул свое лицо от моих слюнявых поцелуев.

Теперь уже сам жених, поняв по нашим лицам, что он оказался в ситуации Муммитроля, когда тот надел шляпу Волшебника и превратился в чудовище, в котором никто не хотел признавать милого Муммика, начал скороговоркой объяснять:

«Э-э, вот постригся... Э-э, вот костюмчик школьный выпускной отыскал...»

В очередной раз его природное красноречие выручило его, все с облегчением перевели дух. И только у меня впервые мелькнула, чтобы потом прочно поселиться в голове, мысль: «Кажется, я поторопилась...»

От грустных пророческих размышлений отвлекли гости, которые не замедлили ввалиться за женихом. Первыми были, конечно, свидетели. Моя подруга Катька. Особа крайне рассудительная для своего возраста. Я ее любила нежно за то, что она никогда не считала непозволительной роскошью озвучивать все, что в данный момент она чувствует. Так, студенты в университетском буфете не раз слышали ее полнозвучное: «О-о, меня распучило!» Жаль, на бумаге не передать интонацию в полной мере.

Но представьте себе Катьку тех далеких дней. Красивая фигуристая брюнетка, разодетая родителями-дипломатами во все мыслимые и немыслимые шелка и меха, она вообще очень серьезно относилась к приему пищи и не допускала никаких вольностей в столь важном деле. Однажды в том же студенческом буфете мы девичьей стайкой клевали что-то, как вдруг к нам подошла еще одна знакомая и начала речь о чем-то занудном и не совместимом с приятным приемом пищи, по Катькиному мнению. Грозно стукнув кулаком по столу, моя подруга изрекла: «Сгинь! У меня из-за тебя желудочный сок перестал выделяться!»

Можете себе представить, как я уважала такого человека. Кстати, именно она во многом виновата, что я стала женой Амазона в оранжевых ботинках. Первый раз я привела к ней домой Сашку, чтобы вместе с ней похихикать над этим забавным волосатым худышкой. Однако, к моему вящему изумлению, Катька сразу приняла в свою душу этого экзота вместе с ботинками и авто. Тут уж и я стала присматриваться к нему серьезнее, понимая, что человек, столько знающий о пищеварении, не может ошибаться.

Сашкиным свидетелем был бородатый Иваныч. Человек, который все сердце потратил на любовь к женам своих друзей. Сам, робкий и мнительный, он абсолютно не доверял своему выбору. Другое дело – выбор друзей. Они не могут обмануться. И жена его друга тут же становилась его Дульсинеей. То, что эта любовь была платонической и беззаветно-безответной, еще больше радовало Иваныча. Ввалившись в дом, он сразу охватил своим взором меня, зеленую и прекрасную, и далее уже не отходил. В ЗАГСе даже пришлось Сашке его немного потеснить, так как Иваныч все время пытался встать на место жениха. Но о росписи чуть позже.

Сейчас же мы толпимся у двери, собираясь ехать в ЗАГС, а моя мама, пытаясь перекричать нас всех, встревоженным голосом спрашивает у каждого, не знает ли он случайно, сколько этажей в загсе?

Архиважные уточнения к вышесказанному

Только что прочитала свадебную прелюдию маме. Она тут же внесла архиважные, с ее точки зрения, уточнения.

Во-первых, фееричная трапеза с какашками произошла и вовсе в ее отсутствие.

Она к зубному уехала и оставила меня на подругу. Которая собиралась стать оперной певицей!

Последнее мама с нажимом повторила несколько раз, но суть данного смыслового акцентирования так и осталась мной не постигнута. То ли таким образом мамуля дала мне понять, что не на абы кого оставила малютку, а на целую оперную диву. То ли, наоборот, интонационным выделением мама пыталась подвести меня к мысли, что все эти театральные гении – люди ненадежные и младенцев на них оставлять нельзя.

Ну, как бы там ни было, будущая оперная певица ушла кататься на лодочке с кавалерами, чьи имена утеряны для истории. Вот тут, в блаженном одиночестве, в собственной кровати, я и повеселилась. Мне даже не понадобился Карлсон, который, как известно, разносит брошенным младенцам вареную колбасу.

Я была сама себе цех по производству колбасок. Мне кажется, это, конечно, очень важное дополнение, однако никакого решающего значения для общей выводной части не имеет. Потому что я в детстве слышала эту историю без добавления всяких оперных певиц, катающихся на лодочке.

Второе уточнение от мамули: мама сказала, что больше всего она боялась, что сбежит жених моей младшей сестренки Дашки, а за Сашку как-то не так сильно. Представляете, какого высокого мнения была мамуля о своих девочках? Какие-то прям монстры. Тут же на ум приходит картинка из моей любимой книжки сказок. Привязанная к дереву царевна, к которой приближается дышащее огнем и смрадом чудище. Роль чудища мама великодушно отдала нам с Дашкой, а сама осталась переживать, что нет подходящего дерева для привязывания бедных крошек-женихов.

Да, насчет жертв. Так оно и есть на самом деле, жертва, иначе и не скажешь. Я сейчас долго вглядывалась в фото Александра.

Бедное тщедушное существо, очки просто тянут его голову к земле (а может, он в то время вообще еще плохо держал головку), и если бы не сапоги по подбородок, которые придают ему хоть какой-то вид существа, наделенного плотью, скорее всего, он вообще не был бы виден за своей винтовкой. Боже мой, как же я не боялась его обнимать, это же могло плохо кончиться для него!

Но, к чести своей, должна сказать, что никогда я не просила его, как, например, увиденная мной как-то осенью 100-килограммовая невеста у Вечного огня, взять меня на ручки.

А вот та невеста не знала жалости. Голосом иерихонской трубы она взывала к щупленькому и заметно пьяненькому жениху, канюча, как дебилный младенец-гигант: «На ручки! На ручки!»

Стоявшие рядом родственники и гости, оторвавшись от горлышек бутылок, загудели следом: «На руки, бери ее на руки. Сфоткаем на память!» Моментально протрезвевший жених-замухрышка, встав на цыпочки, пытался шелестеть что-то увещательное в мясистое ухо своей красотки. Тщетно. Сзади ему отрезала пути к отступлению такая же надутая гренадерша, только постарше и заметно усатая, видимо, мать невесты. Я сама, нечаянно проходившая в эти минуты Александровским садиком, металась между желанием убежать и избежать финала этой, как вы понимаете, совсем не смешной истории и естественным желанием каждого нормального человека полюбоваться тем, как ближний его подвергается мучениям и пыткам.

Я была моложе и беспощаднее, чем теперь, и в итоге осталась наблюдать. Суетливой мелкой рысью жених обежал свою невесту сначала справа, а потом слева. Увиденное настолько повергло его в шок, что, уже не выбирая пути и дороги, он как-то резко кинулся к заднему фасаду этой огромной кружевной туши, как-то неуловимо быстро сделал ей что-то вроде подсечки, надеясь, наверное, что, когда она будет падать, ему удастся подхватить ее.

Но то ли он не успел, то ли в последний момент вспомнил, сколько у него еще дел на этой земле, и отдернул руки. Короче, весь этот огромный тюк тюля и искусственных кружавчиков рухнул прямо на мокрый осенний асфальт. В то же самое мгновение мы с женихом как-то очень слаженно отвернулись от этой душераздирающей картины и бросились прочь в одном направлении. Жених бежал быстрее, я скоро потеряла его из виду. Лично я убежала, потому что было очень страшно. А жених, наверное, неожиданно вспомнил, что забыл выключить дома утюг.

Так вот, эта сцена навсегда осталась в моем сознании, и я дала себе клятву никогда так не мучить своего будущего жениха. Есть ведь много других чудесных и менее травматичных способов издеваться над родным человеком. Так что, дорогой читатель, вытри слезы и перестань рассматривать Сашкино фото. Ему ничего не грозит.

Если вы помните, остановились мы прошлый раз на том, как вся честная компания выдвинулась в ЗАГС. Убранство жениха я вам уже описала. Но, поверьте, невеста тоже не была голой.

На свадьбу мама мне купила чудненький вязаный ярко-розовый костюмчик. Примерно такой, какой покупают своей годовалой девочке родители, у которых до этого уже родились три сына. То есть такой прям утрированный девчачий пороссячий прикид. Правда, вместо вязаных ползунков у меня была юбчонка.

С обувью тоже все было хорошо. Светлых туфель мы не достали. У меня, конечно, были чудесные синие в белую полоску кроссовки «Адидас», за которыми я простояла в очереди 4 дня у магазина «Спорт» на Пионерской. Но сколько я их не мерила вместе с розовым комплектом, что-то меня не удовлетворяло.

Пришлось достать старые белые босоножки. Все бы ничего. Но моя собачка Санька в младенческом периоде смены зубов съела носочек одной босоножечки. Однако поскольку мои ножные или ноговые, как вам больше нравится, пальцы все равно свисали примерно сантиметров на 5 из босоножечек-маломерок, практически ничего не было заметно со стороны. Одно «но»: на улице лежали метровые сугробы, а у меня босоножки с тремя ремешками. Впрочем, это были уже совершенные мелочи и придирки. Зато у меня были белые колготы. Их каким-то чудом раздобыла моя любименькая университетская подруга Леночка. Видимо, она не пожалела на это никаких сил и средств. Уж очень ей было жалко меня.

Она впервые увидела моего суженого, когда мы все вместе были в гостях у моей подруги Катьки. Леночка, как сейчас помню, была в нежно-голубом широком платье для беременных: уже скоро должен был родиться ее первенец. Как все беременные, Леночка в тот момент очень открыто проявляла все свои эмоции.

Поэтому, увидев моего жениха, она просто беззвучно заплакала. Большие крупные слезы катились из прекрасных больших голубых глаз и падали на прекрасное голубое большое платье. Леночка, эта картина до сих пор стоит перед моими глазами! Прости меня, что я не пощадила твоих беременных чувств.

Так вот, белые прекрасные колготы, по мнению моей подруги, должны были хоть чуть-чуть скрасить мне жизнь с тем ужасом, который я бездумно впустила в свою жизнь (справедливости ради хочу сказать, что сейчас Леночка уже не плачет, когда видит Сашу. Человек, знаете ли, ко всему привыкает).

Итак, у нас были не только чумовые прикиды, у нас был целый свадебный кортеж!!! Ну, с горбатым запором голубенького цвета вы уже близко знакомы. Но у подъезда стояла еще

одна шикарная тачка: друг Воробьев, облизав в течение года все промышленные помойки города Москвы, собрал из того, что ему удалось найти, практически родные Жигули второй модели. Целый год он шкурил, смазывал, заворачивал-проворачивал, шпаклевал. И – вуаля. Машина мечты готова!

Гордый Воробьев ловко оседлал кресло из кожзама и выдвинулся на родину предков, в деревню. Уж очень ему хотелось посмотреть, как опупеют и пожелтеют от зависти селяне, у которых он в отрочестве таскал на огородах все, что плохо или слишком хорошо лежало, и которые обещали ему в те славные дни юности тюрьму, виселицу и порку одновременно.

Резво мчался железный франкенштейн по проселочным пыльным дорогам, пока на его пути не возникло мычащее колхозное стадо. В приоткрытое окно Воробьев безмятежно наблюдал, как суетящийся пастух в кепочке перегоняет коровушек через дорогу. Вдруг одна не в меру любопытная животинка вплотную боком придвинулась прямо к левой дверце машины. Воробьев высунул длинную руку атлета из приоткрытого окна и дернул корову за... Муж романтично считает, что за вымя, а я, стоя на путях социалистического реализма, думаю, что за хвост. Координат Воробьева у нас нет. Два года назад мы встретили его с женой в Ашане, но спросить при жене, за что же он дернул корову, постеснялись.

Короче, корова в ответ нанесла прямой удар копытом прямо в дверцу новосклеенного авто. И грустный Воробьев, как ежик из известной песни, уже с дырочкой в левом боку поехал дальше.

Теперь вы понимаете: более торжественной процессии нельзя было и представить. Педантичная и суровая Катька выстроила нас перед машинами и попросила показать уши, руки и документы. Уши и руки были у всех, документы не взял легкомысленный свидетель Иваныч. «Ага, – сказала Катька, – вот из-за тебя их и не распишут». Все задрожали, но быстро нашли выход из ситуации.

Иваныча запихали в Запор, за руль Запора посадили еще одного Сашкиного друга – Гришку по прозвищу Грязный Конец. Такое ужасное прозвище досталось ему совершенно незаслуженно и случайно. Как-то на участке около нашей дачи мы большой компанией сидели на деревянной лавке у костра и жарили шашлыки. Гришка сидел с краю, задумчивый и интеллигентный, как всегда. К костру подошел еще кто-то из наших друзей, и я попросила Гришку подвинуться. «Не могу, – грустно произнес он, – у меня грязный конец». И все. И навсегда.

И теперь в разговорах постоянно: «Какой-какой Гришка? А! Тот, у которого...» Как вы понимаете, это характеризует не с лучшей стороны только маловоспитанных друзей Гришки, но уж никак не его самого. Сам же Гришка, доблестный друг и верный товарищ, тут же помчался с Иванычем за его паспортом, а мы, библикая, хихикая и кукарекая, поспешили на встречу с несчастными доверчивыми работниками ЗАГСа, которым было бы лучше, право, в этот день не выходить на службу.

Об этом

...Мамочке я сообщила о том, что собираюсь замуж, без всякой патетики и подготовительных мероприятий.

Мало мы шадим в молодости родителей! Мама побледнела, позеленела, покраснела, и все это как-то единомоментно. В глазах ее читалась напряженная работа мысли. Она, бедняга, наверное вспомнила, что единственный ее со мной разговор об интимных отношениях уместился в одном ее, правда идущем из глубины души, восклицании: «Какая гадость!»

Поэтому, горестно вздохнув, она начала: «Я надеюсь, ты в курсе, что супружеские отношения подразумевают...» Тут она запнулась, видимо подыскивая адекватную замену существительному «гадость». Я, желая облегчить ее участь, жизнерадостно перебила: «И еще. Мы ждем ребенка...»

Несколько минут мама беспомощно открывала и закрывала рот, пока не произнесла сакраментальное: «Надо же, такой с виду воспитанный мальчик, а оказался опытным мужиком. Раз – и ребенок». Я до сих пор так и не спросила у нее, почему только опытные мужики способны к продолжению рода, поскольку по-прежнему избегаю таких разговоров с мамой, боясь нарваться на какую-нибудь еще более шокирующую информацию. Надо сказать, что моя мама всю жизнь очень даже положительно относилась к женским любовным романам. Зная ее природную скромность и стыдливость, я как-то аккуратно спросила у нее: «Мам, ты же избегаешь всяких там разговоров об ЭТОМ. Как же ты читаешь все эти романы? Там ведь сплошные любовные сцены.»

«Я всегда их пропускаю,» – гордо изрекла мамуля. Взяв лежавшую на ее диване книжку с целующейся разноцветной парочкой на обложке, я стала листать ее. Через десять минут было абсолютно понятно, что маме для чтения остаются только две первые и половина последней страницы из трехсот.

То, что мамочка с интересом и сочувствием следила за приключениями книжных любовников, совершенно не означало, что она готова увидеть такую героиню в своей тощей малахольной дочке. А что делать? Выбора-то у нее уже не было. Надо было сбывать с рук непутевую девку. Для этого были вызваны в гости, по всем правилам традиционного сватовства, папа и мама жениха. Ну, о жизнерадостности моей свекрови вы уже все слышаны. Как всегда сияющая, возникла она на пороге нашего дома и, окинув меня доброжелательным взглядом, на всякий случай уточнила: «Я ведь говорила тебе, что он все себе отморозил?» Я обреченно кивнула. «Вот и хорошо, – еще больше просияла Зина Санна. – Потом не жалуйся». Это она опять вспомнила о том, как мой будущий муж уснул пьяный на морозе в деревне. И после этой ночевки в снегах был уже, как она считала, не вполне укомплектован. А моя свекровь – человек чести. Никогда не попытается обманом сбуть подпорченный товар.

Правда, мне в этой истории до сих пор многое не понятно. Во-первых, муж не пьет. Не так, как все мужики, не пьет. А вообще в рот не берет. Что с ним случилось там, на природе? Я лично думаю, что он просто шел по улице, дышал свежим воздухом, ему было хорошо, и он уснул. У моего мужа удивительная особенность, передавшаяся ему от его отца: в минуты душевной радости или горести он сразу засыпает. Какой-то правильный энергосберегающий клапан у мужской части этого семейства установлен внутри. Как только накал чувств – бац, выключились. Перезагрузка. Я смогла наблюдать воочию волшебную эту саморегуляцию уже тем вечером, когда родители наши роднились на кухне. Делали они это без нас, мы были в моей комнате. Зайдя чуть позже на кухню, я в изумлении остановилась: во главе стола с младенческой счастливой улыбкой на лице спал мой свекр, уже любовно укутанный мамой

в наш коричневый плед. Вокруг него, как вокруг симпатного языческого божка, кружком сидели все остальные. Более мирной и душевной картины нельзя было и представить.

Итак, знакомство состоялось. Папа веселился (он всегда веселился), мама горевала (она всегда печалится). Сестра Дашка ликовала и праздновала избавление от египетского ига. Она справедливо решила, что теперь мой вредный характер уже не ее головная боль, а проблема юного мужа. С тех пор и до сего дня она с большой нежностью относится к моему мужу, хотя и считает, что 25 лет жизни со мной не могли не повредить его психике. Поэтому любить и его и меня она предпочитает на расстоянии, по телефону.

Начался второй этап культурной программы. Мы отправились в ЗАГС.

– А свободных дней нет! – так приветствовала нас жрица капища по имени ЗАГС. – Только через три месяца. Все выходные заняты, остались только будние дни.

– Нам подходит, – легкомысленно заявил будущий муж, – давайте в будний!

Тетенька посуровела лицом:

– Как вам только не стыдно, молодой человек! Девушка такая молоденькая, ей праздника хочется наверняка. Это, может, вы каждую неделю теперь жениться собираетесь. А для нее это на всю жизнь память!

И тетенька перевела свой взгляд на меня и мягко спросила:

– А ты когда хочешь, деточка?

Зардевшись, я робко озвучила свою мечту:

– Мне очень хотелось бы первого апреля! Смешно будет!

Тетенька потемнела лицом окончательно:

– Я вижу, молодые люди, вы сюда шутки шутить пришли. Записываю вас в очередь. Может, за три месяца одумаетесь!

Сконфуженные, но не побежденные, зажав в потных кулачках пригласительные билеты в специальные магазины для новобрачных, мы выдвинулись уже навстречу свадьбе.

О пользе шутки юмора. Свадьба

Не могу никак смириться с тем, что самые важные и прекрасные события в жизни современного человека почему-то обязательно связаны с неприятными государственными уче-ре-ждениями и ждениями в бесконечных очередях. Даже в морге. «Подождите, подождите, – кричит бойкий распорядитель. – Куда лезете, ваш покойник третий в очереди.»

ЗАГСы там, роддома тоже довольно неприятными обычно бывают. Все мы, бедолаги, затеряны между справками и казенными домами. Постоянно нам пытаются прикрепить какую-нибудь дурацкую бирочку. В роддоме на руку, в морге на ногу. И всегда на них вранье еще какое-нибудь напишут.

На клочке роддомовской клеёнки, которую прикрепили на розовую ручку моего прекрасного сына было написано «Николаева Анастасия Владимировна, мальчик, 3 кг 300 г». То есть ни слова правды!

У сыночка и имя другое, а если эта бирочка относилась ко мне, то я еще до сих пор не превратилась в мальчика, несмотря на возраст. И веса-то у меня такого никогда не было, даже в младенчестве. Фу, приучают малышкой к вранью с молодых ногтей. Понятно, все это крепится, чтобы не перепутать детей. Но, во-первых, путают, такие случаи известны. А во-вторых, с бирочкой сразу ощущаешь себя на производстве или фабрике, человеческий конвейер какой-то, право.

Вот раньше человек приходил в мир уже в родном доме, в окружении улыбающихся родственников. Уходил из мира в родном доме, в окружении, ну... не знаю, не знаю, но, по крайней мере, тоже родственников.

И когда бракосочетался, главной в этом действии была уж точно не тетенька госслужащая с золотой собачьей медалью на шее. Если вы мне не верите, что все так мрачно, вот, пожалуйста, несколько примеров патогенного воздействия казенных стен на человека в момент его наибольшей душевной уязвимости.

Картина первая. Огромный холл роддома. Весь такой больничный, с этим специальным запахом лекарственным, везде белые халаты, режущий свет, какие-то очереди. И это в такой тонкий и сладкий момент первой встречи новенького человека со своей семьей!

Правда, нынешняя косорылая ориентация на товарно-денежные отношения по-своему разнообразила больничную атмосферу. Теперь у входной двери больнички мечутся не только ошалевшие родственники и обалдевшие от них медработники, а еще и хищные фотографы, которые, пользуясь временной неадекватностью новоиспеченных отцов, пытаются впарить им свои услуги: «Папаша, папаша, стойте. Этот момент больше не повторится, надо бы заснять. А то как вы докажете потом ребенку, что именно вы его отец и сами забирали его из роддома?»

Ошалевшие папаши сначала глубоко призадумываются, а потом, поняв, что действительно, доказательств-то на руках нема, покорно дают вывернуть себе карманы в обмен на фото странного качества. На этих фотошедеврах счастливый отец выглядит так, как будто его снимали через метровую водяную преграду, а выражение лица и поза страдальца уже окончательно убеждают всех, что перед нами неплохо сохранившийся, правда еще не всплывший утопленник. Вместо младенца эти профессионалы запечатлевают пук кружавчиков. А глядя на молодую мать на этих снимках, невольно хочется сказать: «М-да, все, отрожалась, бедняга».

Нельзя позволять посторонним людям так издеваться над собой! Для издевательств есть родственники. Однако мало кто может дать достойный отпор этим хищным предпринимателям. Я лично горжусь тем, что знаю такого человека. Это известный в своих кругах батюшка, отец Д. Когда он приехал в роддом забирать матушку и своего пятого ребенка, к

нему тут же подпрыгнул гадкий щуплый папарацци со своими орудиями пыток и стал кричать: «Э-э, святой отец, а – святой отец, скажите, а где папаша ребеночка, надо договориться о съемке?» То есть он подумал, что батюшку (отец Д. в рясе был, конечно) молодые родители взяли для крутизны, а значит – выписка с размахом. Могут и цыгане подтянуться, и цирковая акробатка на лошади прискакать. Стало быть, надо подсуетиться – пахнет немалой наживой.

Ха, не знал он нашего любимого отца Д.

С любовью осмотрев мелкого суетливого фотодельца с высоты своих прекрасных и объемных двух метров и по-доброму улыбнувшись в раскидистую черную бороду, спокойно и доброжелательно, прекрасно поставленным голосом батюшка изрек: «А нет отца, знаете ли. Не изволил появиться, подлец эдакий, сбежал-с». И бережно взяв из рук опешившей матушки сверточек с голубой ленточкой, отец Д. достойно и неторопливо покинул сие вместилище суеты сует.

Конечно, простые смертные на такое не способны, кишка тонка. Им можно только посоветовать разрядить нервную обстановку легкой шуточкой и не принимать все происходящее вокруг уж слишком серьезно. Вот, например, мой сыночек Никитка хорошо умеет снять напряжение веселой прибауткой. Нос ему, правда, уже ломали. Но шутить он не перестал даже в самые торжественные моменты своей жизни.

В один прекрасный день, тоже в роддоме, держа на руках свой родной сверточек, он рассеянно прислушивался к нежному воркованию тещи: «Ой, смотрите, сколько вокруг малышей. С голубыми ленточками – мальчики, розовые – девочки, а наш-то в зеленом мешочке, кто же он, а?»

– Овощ, – моментально и невозмутимо ответил мой мальчик, хороший журналист и достойный сын своей матери (если что, нос ему сломали не в этот раз).

Вообще, от самого человека многое зависит. Можно сделать веселыми даже собственные похороны. Вот, например, исторический факт. Давным-давно житель Санкт-Петербурга барон Берг, человек состоятельный и остроумный, оставил, умирая, наказ вскрыть его завещание прямо в день похорон, над гробом, при обязательном присутствии всех его родственников и кредиторов. И вот торжественный момент. Нотариус вскрывает пакет и зачитывает текст всем присутствующим: «Не желая оставить никого из родственников и кредиторов без внимания (присутствующие обмениваются многозначительными торжествующими взглядами), вменяю себе в святую обязанность поделить между ними все, что имею.

Завещаю им прежде всего хорошенько взглядеться в черты моего прекрасного лица, чтобы оно навсегда запечатлелось в их памяти. Затем взять мои руки и по русскому обычаю положить их крестом на груди, причем большой палец каждой длани вложить между указательным и средним, чтобы получился символический знак отрицания. И то, что покажет моя правая рука, завещаю моим милым родственникам, а что покажет левая – кредиторам».

Так что, как видите, хорошей шутке найдется место на любом мероприятии. Однако мой Александр, стоя перед загсом, так не считал. Ему было в этот момент не до шуток. В его нежную плоть безжалостно впивался мальчиковый костюмчик, беспощадно затянутый мамой галстук не давал дышать, только что коротко оболваненная голова нещадно чесалась.

Поэтому из худенького, украшенного большим кадыком горла раздался вопль не мальчика, но мужа. «Быстро все, – кричал Александр, протаскивая меня через строй белоснежных расфуфыренных невест, – бегом, уроды, не отставать. Еще пять минут – и я сдохну здесь!»

Мы, топая как стадо слонов, неслись по коридору, сзади нас уже догонял оперативный Иваныч, размахивая обретенным паспортом. Шумной толпой мы вкатились в Зал Торжеств.

Скажу вам честно: несмотря на такое помпезное название, ничего торжественного я там не увидела. Разве что, там была все та же государственная тетенька, которая учила нас жить, когда мы подавали заявление на вступление в брак.

Теперь она, правда, для каких-то сакральных целей нацепила на мощную шею медальку на ленточке. Правда, может, я зря злобствую? Может, она честно получила эту медаль на соревнованиях по метанию ядра среди пенсионеров в сверхтяжелом весе?

Еще торжественности, по замыслу устроителей этого чудовищного действия, должны были добавить крошечный старичок с баяном и огромная тетя с арфой, жавшиеся в углу у окна. Как только мы с трудом затормозили на пороге зала, что было сделать нелегко, поскольку последние, желая быть первыми, напирали сзади, тетенька с медалью властно вскинула вытянутую руку вверх.

Я ошарашенно застыла. Неужели мы должны ей ответить тем же?! До сих пор я думала, что так приветствовали входящих только в нацистской Германии. Но нет, это было не приветствие. Это был призыв к тишине и вниманию. Не скрывая своего отвращения (надо же, она нас узнала!), тетенька грозно спросила: «Как вы желаете войти в этот зал? Под вальс Мендельсона или под музыку Вивальди?»

На что мой будущий муж весьма неучтиво прохрипел, вращая глазами: «Я желаю войти в этот зал быстро и в тишине.»

– А не получится, – злорадно взревела тетенька, – принимая вызов. – По сценарию сначала музыка. За нее вы уже заплатили.

– А я сейчас еще денег дам, чтобы ее только не было, – не сдавался Александр.

Тетенька перевела взгляд на невесту, ожидая от меня поддержки, но тут, видимо вспомнив про мою просьбу при подаче заявления перенести свадьбу на первое апреля, совсем поникла и сказала негромко: «Ладно, идите».

Нам стало ее даже как-то жалко. И мы, притихшие, встали полукругом перед ее столом.

– Давайте сюда кольца, – уже совсем буднично произнесла она. Сашка, стоявший справа от меня, стал хлопать себя по карманам. Стоявший слева Иваныч, уже травмированный потерей в нужный момент паспорта, машинально стал хлопать и по своим карманам.

Тетенька смотрела на нас все с возрастающим интересом. Наконец, тоненькие золотые ободки были не без труда извлечены из тесных жениховских брючат. Тетенька взяла кольца, прокашлялась и с чувством произнесла: «Сегодня закончилась ваша счастливая молодость!»

Больше ей ничего произнести не удалось. Может, конечно, и удалось, но слышно не было. Потому что мы хохотали как безумные, вопили и желали друг другу счастливой старости. Тетенька быстро свернула процедуру, отдала нам бумаги, заставила расписаться и указала на дверь. Таким же веселым стадцем мы вывалились на улицу и стали распихиваться по машинам.

«А кольца? – вдруг встрепенулся мой уже муж. – Кольца-то где?» – заорал он, поднеся к носу волосатую ручку безо всяких признаков кольца.

«Стибрила!!! – радостно взревел Воробьев, видимо вспомнив бандитское детство в московских подворотнях.

– Навешала нам лапши на уши, а сама колечки-то тю-тю!»

Этого Александр выдержать уже не мог. С ревом раненого бизона ринулся он обратно прямо в загсовую ненасытную пасть. Мы, юные упыри, чувствуя близкую кровь, бросились за ним. Невесты, увидев нас снова, уже сами послушно расступились и вжались в стены. Александр распахнул створчатые двери зала и проорал: «Отдайте кольца!» Стоявшие прямо у дверей только шошевшие чужие невеста и жених покорно протянули ему свои, минуту назад вынутые из кармана колечки. Занавес.

Когда, выручив все-таки свое забытое золото, мы расселись по машинам, воробьевская беременная жена, не получившая при таком раскладе никаких приятных эмоций в загсе, заявила: «Рано еще домой ехать. Нужно цветы возлагать».

Приняв идею на ура, мы задумались, а куда возлагать-то? Наше Кунцево не больно-то на памятные места богато. «О! – вдруг вспомнил Иваныч. – Тут недалеко возле булочной есть бюст Багрицкого. Там и возложим.» Бюст, действительно, был.

Стоял он на странном месте, прямо напротив булочной. Поэтому взгляд известного поэта был навсегда прикован к горам баранок и батончиков в витрине. Вдоль витрины стояла ожидающая конца обеденного перерыва очередь человек из двадцати. 40 глаз внимательно наблюдали, как мы аккуратно складываем охапки цветов у грязного, закаканного голубями памятника.

Проделав все с надлежащей случаю торжественностью, мы было тронулись домой. Но не тут-то было. Воробьевская жена не знала усталости: «Э-э, – завопила она, – разворачиваемся назад. Надо забрать цветы, пока эти бабули из очереди их на рынок не сволокли». И мы послушались: беременным перечить нельзя. Под недоуменными взглядами окончательно опупевших любителей хлебо-булочных изделий мы быстро сгребли свои букеты и были таковы.

Дома, конечно, нас уже ждал накрытый стол и гости. И все было мирно. Все ели, пили, шутили. Единственно что. Александр решил отменить в этот день все шумовые эффекты и поэтому запретил гостям кричать «горько». Да гости-то особенно и не обиделись. Им было и так негорько, а целоваться они очень быстро начали друг с другом, благополучно забыв про нас.

Во главе стола, как всегда, уютно и спокойно, озаряя весь стол светом тишины, спал свекр. Те из гостей, кто знал об удивительной способности моего свекра моментально засыпать в минуты душевных волнений, не обращали на это никакого внимания. Те же, кто был не в курсе, почтительно и пугливо поглядывали на тихо спящего среди буйного застолья человека, предполагая, что это специально приглашенный на свадьбу медиум, который вот-вот в сонном трансе начнет изрекать предсказания молодоженам.

Притомившийся командовать парадом Александр вышел продышаться на балкон. Не спускавшая весь вечер с него глаз мамуля молнией метнулась за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.